

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.22>

Картушина Елена Александровна, Казаченко Оксана Васильевна

О ЗНАЧИМОСТИ ОБЪЕДИНЯЮЩЕЙ ФУНКЦИИ МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья раскрывает понятие мирового языка в его отличии от глобального языка - термины, которые получили распространение в социолингвистике в эпоху глобализации. Предпринимается попытка рассмотреть, как в случае с английским и русским языками меняется их объединяющая функция, которая имманентна каждому живому языку, а мировому языку - в особенности. Автор рассматривает современные концепции социолингвистики в отношении описания статуса языка, акцентируя внимание на анализе ситуации коммуникативного конфликта в случае несовпадения выбора языка между собеседниками.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 1. С. 96-98. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8; 81-2'272

Дата поступления рукописи: 25.11.2017

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.22>

Статья раскрывает понятие мирового языка в его отличии от глобального языка – термины, которые получили распространение в социолингвистике в эпоху глобализации. Предпринимается попытка рассмотреть, как в случае с английским и русским языками меняется их объединяющая функция, которая имманентна каждому живому языку, а мировому языку – в особенности. Автор рассматривает современные концепции социолингвистики в отношении описания статуса языка, акцентируя внимание на анализе ситуации коммуникативного конфликта в случае несовпадения выбора языка между собеседниками.

Ключевые слова и фразы: социолингвистика; английский язык; русский язык; функции языка; языковая политика.

Картушина Елена Александровна, к. филол. н.

Государственный университет русского языка имени А. С. Пушкина, г. Москва

eakartushina@gmail.com

Казаченко Оксана Васильевна, к. филол. н., доцент

Московский городской педагогический университет

kazachenko_07@mail.ru

О ЗНАЧИМОСТИ ОБЪЕДИНЯЮЩЕЙ ФУНКЦИИ МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В эпоху глобализации происходят изменения в культурной картине мира определенного языкового сообщества, что сказывается на существовании языка. Национальные языки начинают конкурировать с мировыми языками, происходит смещение их функций и «сфер влияния». Кроме того, официальный статус языков перестает соответствовать их практической значимости, возникает определенное противоречие между «де факто» и «де юре» в использовании языка. В данной статье мы постараемся рассмотреть подходы к понятию мирового языка и на примере русского и английского языков уточнить важность его объединяющей функции.

Прежде всего, обращает на себя внимание неопределенность в описании терминов «мировой» и «глобальный» язык. Английский язык часто называют «глобальным языком», в то время как при описании статуса русского языка все чаще можно встретить термин «мировой язык». Однако английское “global language”, по сути, соответствует русскому «мировой язык», что и позволяет применять термин «глобальный язык» в отношении описания статуса этих языков. На схожесть понятий «глобальный» и «мировой» язык указывается и в Лингвистическом энциклопедическом словаре: «В новое время возникла группа М. я. глобального использования (мировые языки)... Международное общение обеспечивает группа наиболее развитых М. я. (клуб мировых языков). Для мировых языков характерно юридическое закрепление их роли благодаря признанию их “официальными” или “рабочими” языками международных организаций или конференций. Так, официальными рабочими языками ООН являются англ., араб., исп., кит., рус., франц. языки» [4, с. 291].

Термин «глобальный язык» применительно к английскому языку, по всей вероятности, обусловлен практически всеобщим признанием английского как языка глобализации. Неслучайно применительно к английскому используется и в определенной степени негативное название “globalish” или “globish” [2, с. 35]. Прагматические оценки в отношении русского языка скорее нейтральны [6]. Таким образом, русский и английский являются мировыми языками, а термин «глобальный язык», чаще встречающийся в отношении английского языка, обусловлен значимостью последнего в глобализации как идеологическом феномене.

Указание на функции мировых языков встречается в известной работе Д. Кристалла “English as a Global Language”, однако эта функция мировых языков не описывается подробно, а упоминается как особая роль, разделяемая всеми членами сообщества [11]. Проблема в использовании мирового языка, в выполнении определенным мировым языком своих функций возникает, когда представления о той роли, которую выполняет мировой язык, не совпадают в разных сообществах. На это могут быть причины экономического, политического и национально-культурного характера [Ibidem, p. 175].

Эти факторы, традиционно называемые экстралингвистическими, менее всего поддаются четкому лингвистическому описанию, но более всего влияют на степень распространения мирового языка и в целом признания его таковым [Ibidem, p. 177]. В то же время те собственно лингвистические факторы, которые являются параметрами лингвистического исследования (такие, как демографическая мощьность, морфологический строй языка и другие) выполняют наименьшую роль в признании и становлении определенного языка в качестве мирового. Следовательно, решающий фактор в становлении языка в статусе мирового – это соглашение (в некотором роде, «теория общественного договора») о выполнении между определенными сообществами особой роли некоего мирового языка.

Другой аспект, который нельзя обойти стороной при рассмотрении роли мировых языков, – это тенденция к многоязычию, как в Евросоюзе, так и в России. Многочисленное использование нескольких различных языковых кодов официально обозначено как официальная цель Евросоюза [12]. Распространение других языков во многих государствах Европы ставит под сомнение ту роль, которую мировые языки, в частности

английский, играли в развитии языковой ситуации европейских стран за счет своей объединяющей функции в общении между жителями разных государств.

Так, после выхода Великобритании из Евросоюза (процесса *Brexit*) представители политических и деловых кругов стали поднимать вопрос о статусе английского языка как *lingua franca* в Евросоюзе (что, в свою очередь, никак не может способствовать выполнению мировым языком его основной, объединяющей функции). Однако именно эта, объединяющая функция никак не закреплена официально. Английский язык получил распространение в ЕС не благодаря членству Великобритании в Евросоюзе, а именно благодаря глобализации, и в большей степени молодые люди открыли для себя возможности общения в Европе, используя английский язык. К. Болтон и Д. Р. Девис [10] отмечают, что вряд ли английский в обозримом будущем «уйдет со сцены» в Европе. Его будущее исследователи видят в качестве второго (не родного языка), что приведет, по их мнению, к формированию европейского варианта английского (*Euro-English*).

При этом стоит иметь в виду, что язык функционирует не сам по себе, а в контакте другими языками, в той или иной степени распространенными в определенной языковой ситуации (как правило, экзогlossной). В свою очередь, это приводит к ситуации усиления языковых контактов, смешения языков. Неслучайно в этой связи появление различного рода пиджинов и даже креольских языков, где мировой язык является основным языком-лексификатором. Например, на основе английского языка формируется много языковых форм (в разной степени пиджинизированных), таких, как немецкий английский (*Denglish*), финский английский (*Finglish*), испанский английский (*Spanglish*) и другие. Пиджины на основе русского языка тоже имеют достаточно большое распространение. Наиболее известными являются русско-норвежский, русско-китайский и русско-финский пиджины. Однако пиджины на основе русского языка получили не такое распространение. По всей вероятности, это связано с распространением глобализации и тех идеологических и исторических факторов, которые обусловлены ею.

Обращает на себя внимание, что в отношении распространения английского языка часто приходится слышать термин «экспансия». При определении экспансии как термина, в частности в социологии, отмечается компонент агрессивности, захвата чего-либо путем силы, вынужденного распространения [5, с. 56]. Указание на агрессию можно встретить и в описании английского языка [3, с. 105; 8, р. 64]: “Language killer” (язык-убийца), лингвистический империализм, “globalish”. Все эти наименования, приведенные в работе Дж. Блумарта, позволяют определить (прагматическое) отношение к английскому языку, к самому факту его распространения, как пренебрежительное и отрицательное.

Языковая экспансия, следовательно, может определяться как распространение определенного языка в большом масштабе под влиянием идеологических, социальных, политических, экономических или культурных факторов. В силу влияния данных факторов языковая экспансия не проходит бесследно для самого распространяемого языка. Учитывая дихотомию «свой» – «чужой», действия факторов «глобального» и «локального», распространяемый язык в случае языковой экспансии приобретает определенную локальную вариативность.

Тенденция к использованию нескольких языков, пересмотр роли мировых языков в современной ситуации многоязычия получили отражение и в некоторых социолингвистических концепциях. В частности, Дж. Блумарт и Б. Рамптон [9, р. 19] в ситуации многоязычия ставят под сомнение само существование языка, равно как и языковых сообществ и этнолингвистических групп, описывая ситуацию подобного рода термином «сверхразнообразие» (*superdiversity*).

Другая концепция, носящая скорее методологический характер, – это концепция жизнеспособности языка. Если ранее традиционно социолингвисты выделяли ареал распространения (изогlossы) и демографическую мощьность идиома как основные факторы, то на сегодняшний же день в качестве показателей жизнеспособности (*vitality*) языка, помимо вышеперечисленных факторов, немаловажными считаются также степень присутствия в медиа среде, экономическая составляющая, вопросы занятости, стандартизация языка, языковая лояльность и религия [14, р. 25]. О признании данных факторов говорит их принятие в ЮНЕСКО в качестве показателей жизнеспособности языка. Эти факторы составляют критерии исследований в рамках проекта Евробарометра поддержания языка (*Language Maintenance Barometer (EuLaViBar)*).

Ничуть не умаляя значимости данных аспектов, все же отметим, что меры по продвижению определенного миноритарного языка могут ставить под удар объединяющую функцию мировых языков – ту функцию, которая принималась «по умолчанию» многими языковыми сообществами. В частности, из-за различия языков СНГ общим языком при общении между жителями, например Азербайджана и Молдавии, будет русский. В Таджикистане из-за различия в диалектах русский язык также выполняет объединяющую функцию. В другой стране СНГ, в Азербайджане, русский является вторым государственным языком, что стало следствием официального признания его объединяющей функции [7, с. 256].

В ситуации же, когда роль мирового языка долгое время принималась как таковая и считалась постоянной, но не была пересмотрена, а на смену этой роли стали выдвигаться интересы миноритарных языков, возникает вопрос о более четкой договоренности между участниками языкового коллектива о выборе языка. Этот вопрос нельзя игнорировать при долгосрочном языковом планировании, если рассматривать интересы миноритарных языков как первоочередные [1, с. 15]. Например, из-за различий белорусского и украинского языков традиционным языком общения между жителями Белоруссии и Украины был русский язык, но после конфликта на Украине в 2014-2015 годах данная роль русского языка все реже и реже принимается как таковая, по большей мере украинской стороной, что, с одной стороны, увеличивает объем переводов в данной языковой паре (это, в свою очередь, увеличивает степень вовлеченности языка), а с другой, – способствует ситуации коммуникативного разрыва, в которой поиск общего языка сопряжен с некоторыми социальными и психологическими барьерами.

Таким образом, мы сталкиваемся с противоречием: с одной стороны, распространение мировых языков произошло не случайно, а имело под собой социально-исторические причины. Английский стал мировым языком в силу колониального прошлого Британской империи, а впоследствии – передовой экономики Соединенных штатов. Русский язык получил статус мирового языка в Советском союзе. Являясь ранее языком империи, русский язык стал народным языком, языком образования и был призван объединить многочисленные народности, проживающие на территории СССР.

С другой стороны, при усилении роли миноритарных языков объединяющая функция мировых языков уходит на второй план, хотя именно она является основной и обусловленной исторически и социально. Именно поэтому мировые языки выполняют эту функцию «де-факто», в то время как их статус «де-юре» может не являться таковым. Например, русский язык получил официальное отражение своей объединяющей функции лишь в 1990 году с принятием «Закона о языках народов СССР». Английский язык юридически также не является официальным языком Великобритании, а в США статус английского не закреплен на федеральном уровне.

На заре глобализации, в 1993 году британский социолог Энтони Гидденс выдвинул теорию ускользящего мира. Глобализация как общая идеология могла бы сделать мир более предсказуемым и понятным, однако мир не становится предсказуемым, а, напротив, ускользает [13]. В этом и заключается парадокс глобализации. Объединяющая функция мировых языков также становится менее предсказуемой в ситуации глобализации и, как следствие, усиления роли национальных языков, многоязычия. Выбор языка общения становится все более индивидуальным и все больше становится обусловленным социальными, экономическими, а в некоторых случаях – политическими факторами.

Список источников

1. Алпатов В. М. Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: международная конференция (Москва, 16-19 сентября 2014): доклады и сообщения / отв. ред. А. Н. Биткеева, В. Ю. Михальченко; Институт языкознания Российской академии наук; Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. М.: Тезаурус, 2014. С. 11-24.
2. Валуйцева И. И. О понятиях глобального и международного/мирового языков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2016. № 2. С. 33-40.
3. Волат А. С. Роль английского языка для мирового сообщества // Традиции и инновации в системе образования: материалы VII международной научно-практической конференции. Карачаевск: Издательство КЧГУ им. У. Д. Алиева, 2017. С. 104-107.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.
5. Новейший социологический словарь. М.: Книжный дом, 2010. 1312 с.
6. Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса Московской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ): в 15-ти т. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. Т. 9. Направление 8. Русский язык в межкультурной коммуникации. 266 с.
7. Умарова С. М., Алгаева А. М. Язык и культура Азербайджана в контакте мировой дивилизации // Языки. Культуры. Этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты. 2015. Т. 1. № 1. С. 254-258.
8. Blommaert J. M. E. Lookalike Language // English Today. 2012. Vol. 2. Iss. 28. P. 62-64.
9. Blommaert J. M. E., Rampton B. Language and Superdiversity // Diversities. 2011. Vol. 2. № 13. P. 1-20.
10. Bolton K., Davis D. R. Brexit and the future of English in Europe // World Englishes. 2017. September. Vol. 36. Iss. 3. P. 302-312.
11. Crystal D. A global language // English in the world: history, diversity, change / ed. by P. Seargeant and J. Swann. Abingdon: Routledge, 2012. P. 152-177.
12. Edwards J. Language and Identity // Nations and Nationalism. 2010. January. Vol. 17. Iss. 1. P. 211-212.
13. Giddens A. Runaway World. L.: Routledge, 2000. 124 p.
14. Saarikivi J., Toivanen R. Change and Maintenance of Plurilingualism in the Russian Federation and the European Union // Cultural and Linguistic Minorities in the Russian Federation and European Union. Switzerland: Springer International Publishing House, 2015. P. 3-29.

ON IMPORTANCE OF THE UNIFYING FUNCTION OF WORLD LANGUAGES IN THE ERA OF GLOBALIZATION (BY THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

Kartushina Elena Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow
eakartushina@gmail.com

Kazachenko Oksana Vasil'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Moscow City University
kazachenko_07@mail.ru

The article reveals the notion of the world language in its difference from the global language – the terms that have become widespread in sociolinguistics in the era of globalization. An attempt is made to consider how, in the case of the English and Russian languages, their unifying function is changing, which is immanent in every living language and in the world language in particular. The authors consider modern conceptions of sociolinguistics with respect to the description of the language status, emphasizing the analysis of the situation of communicative conflict in the case of non-coincidence of the choice of a language between the interlocutors.

Key words and phrases: sociolinguistics; English language; Russian language; language functions; language policy.